

Майкл Ходарковский

Степные рубежи России

КАК СОЗДАВАЛАСЬ
КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

1500–1800

Новое
Литературное
Обозрение

2023

пограничные крепости (создаваемые пограничными острогами), а люди, жившие в них и вокруг них, были известны как крайние люди. За пределами известных восточных Московских просторов — леса, степные земли, неподконтрольные ни царю ни государству¹.

В Сибири, к примеру, с точки зрения российских властей, граница проходила между местными народами, платившими ясак правительству, и теми, кто его не платил. Местные жители, отказывавшиеся немедленно подчиниться русским губернаторам, классифицировались как враждебные, *немирные люди*² и считались проживающими по ту сторону границы. Проходило немного времени, и Россия направляла войска в *новые немирные земли*³ (непокоренные территории), чтобы построить новые крепости и начать сбор ясака с местных жителей. Таким образом, граница двигалась вперед, захваченные территории становились известны как *новоприводные земли*⁴, а их население — как *ясачные иноземцы*⁵.

Такая концепция фронта — линия, отделяющей государственное образование от народов с более примитивной общественной организацией, — была типична и для Западной Европы. В средневековых европейских державах были свои многочисленные марш — фронтеры, отделявшие христианские поселения от языческой степи. Но в отличие от России, где управление маршом поручалось государственному чиновнику, наем и расширение европейских маршей были прерогативами местных и часто независимых аристократов, носивших титул маркиза или маркиза⁶.

Концепция фронта как предела, внешнего рубежа, границы цивилизации существовала в различных европейских географических названиях, войды и названия стран (Уаранна, «край» или

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 6. С. 6. Словарь документов по истории Европы XVII в. / Сост. Г. М. Румянцев, С. А. Овчин. Нью-Йорк: NYU Press, 1980. С. 208–209.

² Словарь документов по истории Европы XVII в. С. 209.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ АИ. Т. 4. С. 476.

⁶ См.: Nordenskiöld B. Frontières de l'Europe de l'ouest au XVIIIe siècle. XVI–XIX siècle. Paris: Gallimard, 1980. P. 31–32.

Русского государства, говоря, что сама природа указала на предел обширности государства¹.

В 1480-е годы пределом владений Москвы была река Ока. В начале XVI века Москва считала, что Рязань и Путивль находятся на крае ее южного фронта, но уже в 1521 году Василий III заявлял, что московские государевы украины лежат дальше к югу, вдоль притоков Дона — рек Хопра и Медведицы². С конца XVI века Москва начала строить засеки, укрепления, составлявшие единую оборонительную линию, целью которой было предотвратить набеги кочевников на московские города и деревни. Городки, находившиеся около оборонительных линий, стали известны как понизовые или украинные города³. Со временем подобные укрепленные линии удлинялись и передвигались к югу, отмечая новую границу московских владений и становясь наиболее эффективным инструментом российской колонизации.

Московские претензии на суверенитет над степными землями не слишком соответствовали реальности, в которой Москва была не способна контролировать ни Степь, ни степные жители. Порой жалобы на беспорядочность были всего лишь дипломатическими оправданиями, но в большинстве случаев Москва действительно была не способна прекратить разбой в Степи. Об этом свидетельствовало письмо Ивана IV от 1538 года, отвечавшее на жалобы крымцев: «И вам городи ведомо, какия [разбойничьи] где мот. На поле ходят казань многие, казанцы, татары, крымцы и иные башкиры казань. А и казань украин

¹ Соловьев С. М. История России. Т. 1. Д. 1.

² ЦДРБ. Т. 8. С. 74. ЦДРБД. Т. 45. № 105. С. 109. Т. 46. № 1. С. 48. В начале XV столетия пророк сел в Ставроле в общину Кривого коня. Василий III предположил, чтобы московские дипломаты отправились во Рязань, в городок — во Азов. Но посылать жалоба крымскому хану было опасно, потому не посылать крымцев. Василий ответил хану, чтобы обе стороны встретились поближе к московской границе, у рек Хопра и Медведицы. ЦДРБД. Т. 46. № 18. С. 488–489.

³ Волковичев Юрий В. А. Исторические и географические карты и карты-схемы. Т. 1. С. 12. Словарь русского языка XV–XVII вв. Т. 1. С. 104. В XIV–XV вв. все крупные города были расположены на севере, южнее (за исключением Киева) — только Волга и ее притоки (за исключением Воронежа). ЦДРБ. Т. 8. С. 109–110. Словарь русского языка XV–XVII вв. см.: Соловьев С. История России. Т. 1. Д. 1.

с ними не считались люди, и те люди как вам таты, так вам таты и разбойники, и на кого их никто не учит, а учения какие свои, ругаются по своим законам»¹.

Лучше всего представлять себе московский фронтир как многослойный феномен, в рамках которого политическая, налоговая, административная, юридическая и религиозная границы сосуществовали, но не совпадали. К примеру, несколько городов, хотя и находились официально в московских или литовских пределах, продолжали, как в старину, платить дань Орде (к Орде платили) или Крыму². Но не только «налоговая» граница отличалась от политической.

Если фактической границей Русского государства были его укрепленные линии к югу и новопостроенные крепости на востоке, юридические притязания Москвы значительно выходили за пределы того, что в действительности находилось под ее контролем. Клятва верности, приготовленная российскими властями для монгольского бая Илгичея в 1392 году, предусматривала, что ни он сам, ни монголы не должны поддерживать связи с османскими султанами, крымским ханом, персидским шахом, бухарским ханом, Ташкентом, Троицком, Казахской ордой, манкыями или черкесами или оказывать кому-либо из них помощь³.

Тем самым Москва недвусмысленно обозначала, что ее южные пределы простираются в Степи от Крыма до Северного Кавказа и Средней Азии.

Хотя конкретные границы на деле не были отмечены и в целом оставались нечеткими, политический словарь Москвы был включен в процесс концентрации и нормализации отношений со Степью. Определяя свои риторические политические границы, Москва опиралась на несколько ключевых понятий, традиционно использовавшихся в тюрко-монгольском мире:

юрты, аймак, аск и поминки. Все эти термины применялись вдоль южных и юго-восточных рубежей. Лишь последний термин был переведен на русский язык; остальные существовали в первоначальной тюркской форме. Москва усвоила политическое название Степи.

¹ ИДРБ. Т. 8. С. 74–75.

² СИРМО. Т. 40. № 26. С. 174. № 26. С. 176. Т. 45. № 26. С. 177–178.

³ Акты архиеп. Евдокима I. С. 109–110.

страдать от разрушительных набегов крымских татар и ногайцев.

Москва решила укрепить свою оборону на южном направлении, присоединив к береговому разряду (полкам, традиционно охранявшим ключевые пункты у Оки) украинный разряд («пограничные полки»). Кроме того, московские войска были отправлены на подавление беспорядков в Казанской земле, где язычники — мари́йцы (черемисы) и чувашаи, а также татары-мусульмане восстали против все более навязчивого присутствия Москвы в регионе. Чтобы смирить Казанскую землю, потребовалось несколько масштабных и беспощадных походов, продлившихся три года.

В середине 1580-х годов в Казанской земле как грибы росли новые крепости, отмечая продвижение московской военной колонизации в сторону Сибири. В 1584 году на реке Вятке были заложены крепость Уржум и Малмыж, а через два года москвиты уже строили крепость Уфу на реке Белой, далеко к востоку от Вятки. Двигаясь вдоль по течению рек, москвиты расширяли свои владения и к югу, вдоль Волги. В 1586 году была воздвигнута крепость Самара, а в течение следующих четырех лет — Царицын и Саратов¹.

Для ногайцев строительство новых крепостей на Волге означало возросшую зависимость от Москвы, которая могла теперь лучше контролировать речные переправы и доступ ногайцев к ближайшим пастбищам. Урус-бий предпринял последнюю попытку добиться помощи против московской экспансии, попросив крымского хана обратиться от лица ногайцев к османскому султану. Но помощи ждать не приходилось — у Высокой Порты были другие первоочередные задачи, а Крым был погружен в династическую борьбу.

В 1586 году, воспользовавшись нестабильностью в Крыму, ногайцы согласились помочь царю на претендентов. Салтану Геремю, отстоявшему за смерть отца и вернувшему себе крымский престол, Правитель крымского хана Ислама Герем стал оказывать помощь османам. Тот факт, что ногайцы поддерживали восстание, направленное против османского владычества, еще больше увеличил протест между ними и Портой. В 1586 году Урус написал в Стамбул и, как будто дружелюбно, сообщил о намерении об

¹ Данилов М. Г. Очерки по истории Казанского княства. С. 486–489; Макаров А. А. Борьба Московского государства с татарами. С. 24–25, 44.

Кавказ по-прежнему оставался важнейшим элементом правительственной стратегии, действуя в ногу со Московским государством, где граница между оборонительными и наступательными войнами часто была весьма расплывчатой. В своих набегках казаки часто проникали далеко за линии границы, грабили поселения через степь караваном, нападали на враждебные набегковые отряды кочевников или разорили деревни и города на Северном Кавказе и вдоль побережья Крыма и Османской империи. Для последнего крымского хана в 1580-е годы было очевидно, что **казаки по-прежнему поддерживают Москву**, а их морские набегки весьма эффективны, поэтому одним из условий мира со стороны хана было требование, чтобы Москва закрыла казачьим людям доступ в Чёрному и Азовскому морям¹.

Но степень независимости казаков от Москвы и долгая традиция их непокорности и участия в народных восстаниях привели к тому, что правительство взирало на их истинные намерения с крайней подозрительностью — и, как показало взятие Азова, не зря. Мало было использовать казаков, нужна была более надежная стратегия. В 1635 году московское руководство прибегло к новой и смелой инициативе: оно начало сооружать на юге укрепленные линии. Продолжительность работ по их постройке, денежные затраты на эту обширную сеть укреплений, масштабное использование людских и природных ресурсов — все это сделало проект важнейшим и самым амбициозным предприятием России в XVII веке. Новые укрепления должны были стать Великой Московской стеной, не пропускавшей «неверных» из южных степей.

Строительство линии фортификаций в южном регионе не было полностью новой идеей. Подобные укрепленные линии были уже известны в Киевской Руси в X веке, а в более недавнее

¹ *Yıldırımın meşhureti* (copy, Ayasofya, # 2714, Cht. 1, Hattımatırah A. A. W 46, A. 122). *Yıldırım* mentions that he was imprisoned here, the Ottomans ordered amongst those whose imprisonment would produce a reputation were none. See no. A. 26, 40-41. Cf. *Yıldırımın meşhureti* (copy, Ayasofya no. 2714, Cht. 1, Hattımatırah A. A. W 46, A. 122). *Yıldırım* mentions that he was imprisoned here, the Ottomans ordered amongst those whose imprisonment would produce a reputation were none. See no. A. 26, 40-41. Cf. *Yıldırımın meşhureti* (copy, Ayasofya no. 2714, Cht. 1, Hattımatırah A. A. W 46, A. 122).

время, в середине XVI века, они строились сразу на юг от Оки. К 1630-м годам к югу от Москвы появилось множество крепостей и городов. Но эти размножившиеся передовые посты приходилось снабжать из центральных регионов России, поскольку сельское хозяйство в пограничье оставалось опасным видом деятельности. Чтобы заселить регион крестьянами, было необходимо добиться большей безопасности. Этой цели и были призваны служить укрепленные линии, ставшие со временем как важнейшим средством защиты Москвы от нападений, так и эффективным орудием российской экспансии.

любы помещиков из центральных регионов страны на своих бедных крестьян, наводняя убожество в пограничные, правительство запретило своим воеводам на них возлагать бремя. Вместо этого их назначивали в солдаты и дружины. В 1637 году правительство издало указ о так называемых «заказных [запретных] городах». По этому указу в двенадцати пограничных городах и их окрестностях запрещалось покупать землю лицам из других регионов. Помещая тем самым землю помещикам, Москва намеревалась превратить непокорившиеся население в пограничную военную силу, способную жить за счет полученных от правительства земель. На протяжении XVII столетия оборона

В десятилетие между 1635 и 1646 годами Москва передвинула свои пограничные укрепления далеко на юг, соединив одной непрерывной оборонительной линией природные преграды, такие как реки и болота, с искусственными фортификациями: несколько

рядов рвов, срубленных деревьев, частоколы и многочисленные наблюдательные башни, а также крепости, вооруженные пушками. Первая такая засека или засечная черта, протянувшаяся более чем на 800 километров от реки Ахтырки на западе до Тамбова на востоке, стала известна под названием Белгородская. Большой полк, в 1600 году находившийся в Мценске, был в 1640 году передвинут на юг, в Белгород. Еще десятилетие ушло у правительства на то, чтобы протянуть засечную черту дальше на восток, от Тамбова до Симбирска на Волге. К середине XVII столетия как колонисты, селившиеся в южных регионах России, так и жители Казанской области оказались в относительной безопасности позади Белгородской и Симбирской засечных черт¹.

КАЛМЫКИ

Переструктурировка политического сознания в регионе, растущая активность набегов крымских татар и казаков и новая стратегия Москвы по обеспечению безопасности на нестабильной южной границе — все это в немалой степени было следствием появления новой волны кочевников из глубин азиатской Степи — калмыков. В отличие от тех, кто уже жил в регионе, калмыки были безусловно чужаками — тибетскими буддистами, а не христианами, не мусульманами не ощущали родства с новоприбывшими.

Москва была не одинока в своих опасениях по поводу присутствия калмыков в регионе. На протяжении нарушились традиционные торговые пути, соединявшие Россию с рынками Средней Азии и Персии, и правители Бухары, Ханы и Балха были первыми, кто предложил Москве союз против калмыков. Не в меньшей

¹ Об истории строительства засечной черты Московского государства в XVII веке см.: Виноков А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М.: ТОО В. Ласарев, 1976; Захаровский В. И. Белгородская черта. Воронеж: Воронежский университет, 1976; Панаев А. В. Оборонительная спортивная засечная черта XVI-XVII вв. // Материалы и исследования по истории СССР 1975. № 44. С. 146-152; Панаевский А. А. Борьба Московского государства с татарами. С. 149-156. Роль не имевшая конца, в которой рассматриваются отношения в целом и отношения по мере Давид А. The Role of the Tsar's Government in the Defense and Military Colonization of Moscow's Southern Frontier: The Case of Russia, 1590-1640. 1 vol. Ph.D. diss. University of Chicago, 1976; Хелли А. Government and Military Change in Moscow, 1550-1650. Виноков С. А. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. P. 19-26.